

Шесть килограммов отборного дизайна

Вышла первая русская монография об Эль Лисицком

В галерее «Новый Эрмитаж-один» состоялась презентация изданной галереей книги Александра Канцедикаса и Зои Яриной «Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941». Это роскошное дизайнерское издание — семь томов в одном, сделанном вручную футляре, весом 6 кг, тиражом 970 экземпляров и ценой \$1 тыс. — первая монография о всемирно известном русском авангардисте на русском языке. АННА ТОЛСТОВА задумалась, почему же Эль Лисицкий до сих пор не был согрет горячей любовью отечественного искусствоведения.

Свершилось. Пять томов скрупулезной творческой биографии, каждый — с альбомной частью, где, по словам авторов, опубликовано 90% всего сделанного Лисицким, причем 15–20% от этого числа опубликовано впервые. Плюс том с аналитическими таблицами — это такой «искусствоведческий комикс», по которому можно проследить, как развивались в искусстве Лисицкого отдельные темы и мотивы. Плюс том, в котором собрано все, что написал сам Лисицкий, — от программных статей до воспоминаний о могилевской синагоге, росписи которой он скопировал в 1916 году (очень, надо сказать, вовремя: потом синагога, расписанная далеким предком Марка Шагала, погибла, так что копии Лисицкого — это все, что осталось от уникального памятника). Александр Канцедикас, специалист по народному и декоративно-прикладному искусству, работал над этим монументальным трудом более 20 лет, в последние годы — вместе с женой Зоей Яриной, известным архитектуроведом.

Малевич, Татлин, Кандинский, Филонов, Родченко — про них по-русски имеются уже тысячи тонн словесной руды. Про Лисицкого было всего три тоненькие книжечки, каталоги весьма скромных по составу выставок. Есть, правда, книга, написанная вдовой художника Софи Лисицкой-Кюпперс в середине 1960-х в Новосибирске, куда она, немка, была сослана в годы Великой Отечественной. Эта книга издана чуть ли не на всех европейских языках, но на русском не выходила. Так сложилось, что Эль Лисицкий на родине, в сущности, неизвестный художник. То есть, ко-

нечно, его имя в сопровождении пары хрестоматийных картинок (проекта горизонтального небоскреба и плаката «Клином красным бей белых») будет в любом учебнике по истории русского искусства XX века. Но этим фактически все и ограничивается.

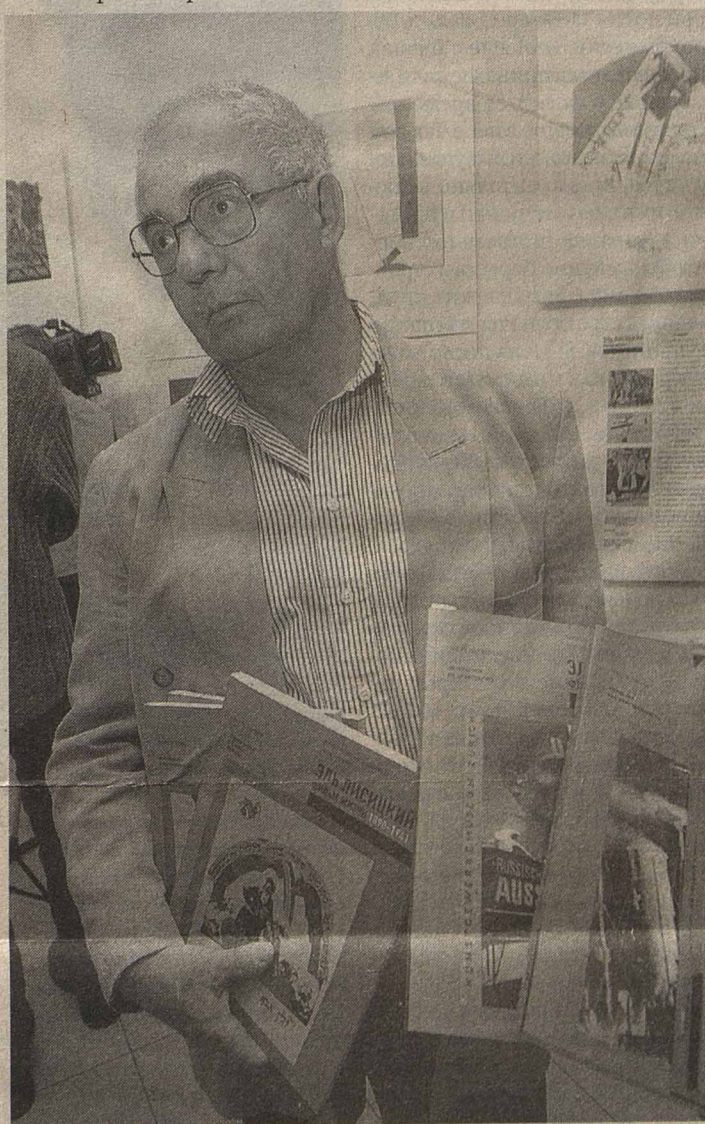
Зато художник El Lissitzky очень хорошо известен на Западе. Его проуны («проекты утверждения нового», пространственные композиции, в которых синтезировались формальные идеи супрематизма и конструктивизма) представлены в лучших музеях современного искусства: в Гуггенхайме, Людвига, галерее Тейт, нью-йоркском МоМА. Про него написаны десятки серьезных исследований, особенно много — на немецком. Немцы вообще считают Лисицкого почти своим: он в Германии учился, жил, работал. Его рассматривают в кон-

тексте дада и функционализма, он входил в голландский «Де Стиль» и работал с мастерами «Баухауса». Его имя ставят рядом с именами Ман Рее, Мохои-Надя, Курта Швиттерса, Пита Мондриана и Миса ван дер Роэ. В 1920-е годы он вообще был, наверное, главным посредником между Россией и Европой, экспортируя туда идеи русской художественной революции.

Конечно, в отличие от других великих авангардистов Эль Лисицкий не придумал супрематизма или «аналитического искусства», не написал первой абстрактной картины, не сделал первого объекта или фотомонтажа. Зато во многих областях он создавал эталонные вещи. Горизонтальные небоскребы, ленинская трибуна, проуны и фигуры входят в золотой фонд русского конструктивизма. Оформление «Для голоса» Маяковского — образец модерни-

тского книжного дизайна, оформление советского павильона на кельнской «Прессе» — образец дизайна выставочного. Автопортрет «Конструктор» — шедевр фотограммы. Плакат «Клином красным бей белых» вообще образ эпохи вроде петров-водкинских «Купания красного коня». Даже его первые книжные опыты — «Пражская легенда» и «Козочка» — теперь побили все рекорды на Christie's для книг на идише. Такой универсальный, ренессансный гений. Так что и артистический псевдоним Эль, который в 1920-м году принял Лазарь Лисицкий, намекал на нечто демиургическое: в переводе с древнееврейского это значит «Бог». Недаром у Лисицкого так навязчиво появляется образ руки с циркулем — в старой иконографии Господь изображался как архитектор мира с циркулем в деснице. Впрочем, сам он пафосному «творец» предпочитал трезвое слово «конструктор». Сейчас бы сказали «дизайнер» — если он и был в чем-то пионером, так именно в этом.

И вот к этому замечательно, выдающемуся во всех отношениях мастеру авангарда долгое время не лежала почему-то у нашего искусствоведения душа. Может быть, дело в том, что все остальные великие — Малевич, Татлин, Кандинский, Филонов — что-то изобретали. Что-то такое запредельное, «непостижное уму», маниловщиной отдающее. Их, как гончаровского Илью Ильича Обломова, «служливая мечта носила, легко и вольно, далеко в будущем». А Лисицкий просто работал — в настоящем. Невзирая ни на что, на больничной койке доводя до ума проект главного павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и макеты журнала «СССР на стройке». Он работал, не столько изобретая, сколько усовершенствуя и рационализируя. Упорно, по-немецки, как Штольц. Ведь что осталось после него в семье — старая немецкая готовальня да портфель, как рассказал приехавший из Новосибирска на презентацию книги внук художника Сергей Лисицкий. Только русскому сердцу Обломова всегда был милее Штольца, духовность — милее дизайна. И, возможно, выход первого большого труда об Эль Лисицком говорит о том, что теперь наступает время дизайнеров.

Автору монографии об Эль Лисицком Александру Канцедикасу не хватило рук, чтобы объять свое многотомное сочинение
ФОТО ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА